

А.А. Абаринов

Дело Макаренко

Александр Абаринов

Мой друг и коллега на меня обиделся: «Вы о нас, не таких уж и древних, и не вспоминаете», – с раздражением сказал экс-руководитель Отдела воспитательных колоний МВД.

Я решил исправить ошибку. Мы встретились и проговорили очень долго. Вот что он мне рассказал.

Свидание

«Когда меня в 65-ом назначили, то мой предшественник передал мне печать, все бумаги и ключ от своего сейфа на два отделения. При этом сказал, что нижнее отделение давно не открывается – ключ потерян. Сейф был массивный, огнеупорный – с песком, и весил тонну, не меньше. Во всяком случае, когда делали ремонт, его даже не отодвигали. Так он и стоял у окна, а паркетчики обходили его при циклёвке. Делал ремонт расконвой из Бучи под Киевом – наши «подопечные», так сказать; осуждённые, только у которых статья «лёгкая» и срок небольшой. Я старшему задал вопрос, может ли кто-то открыть сейф. Зэк бросился на пол, заглянул в отверстие для ключа и спросил, что за это будет. Договорились за дополнительное свидание для него.

Я ему дал – уже на доверии, ключ от верхнего отделения, он на утро приехал со своим «инструментом» и сразу открыл. Я ему говорю, что, вот мол, как просто «свиданку» заработать! А он – дескать, я к этому всю жизнь готовился. Философ!

В отделении были разные бумажки, арифмометр «Феликс», несколько брошюр. Я всё вечером вывалил на газету на пол и остался разбирать. В основном, это были личные дела сотрудников в папках с надписью «Н.К.В.Д. У.С.С.Р.» и звездой на серой картонной обложке. Я запомнил то, что там были кадровые документы на начальников Отдела трудколоний НКВД – Воеводы, Ахматова, Семёна Пинкуса, которые были расстреляны в 37-ом, ещё кого-то из руководства.

И – дело Макаренко Антона Семёновича».

Перепуганные на всю жизнь

«Я страшно удивился: личное дело Макаренко, человека, который сделал большой вклад в педагогику и литературу, исследователи почему-то даже не искали в кадровых дебрях ведомства, которому он отдал почти десять лет! А знаешь, почему? Из-за нежелания жены Макаренко – Галины, рассказывать миру о позорных, по её женскому разумению, годах работы педагога-писателя в Киеве, в центральном аппарате – Отделе трудколоний НКВД, с 1935 по 1937.

*Жена А. С. Макаренко
Галина Стахивна*

Вообще-то странно! Да, именно в эти годы Макаренко, хотя и работая в НКВД, но завершает свою главную книжку, колоссальное произведение, благодаря которому он только и стал известен миру – «Педагогическую поэму». Знаешь, те сталинские времена вообще не воспринимались в начале 60-х, а точнее, понимались лишь как годы Большого террора, в которые, сам знаешь, ничего хорошего не могло быть. И вот Галина, мудрая женщина, однако перепуганная жизненными перипетиями, несколько лет, заметь, сидела на даче и разбирала макаренковский архив. И лично переписывала заметки, меняла Сталин на Ленин, фамилию Балицкого – наркома НКВД УССР, заменяла буквой Б., пропускала «ненужные» авторские абзацы и целые главы, сжигала записные книжки».

В.А. Балицкий

Ветеран был прав – рука жены Антона Семёновича чувствуется даже в Большой Советской Энциклопедии, где о деятельности Макаренко в НКВД не упоминается. О киевском периоде лишь уклончиво сказано: «разрабатывал теорию и методику воспитания в коллективе, теорию семейного воспитания».

Министр-романтик

«Так вот, полистал я дело: автобиография, анкета, личный листок по учёту кадров, заявление; всё написано макаренковским круглым красивым почерком – без единственной помарки. И решил доложить Министру, Ивану Харитоновичу Головченко. Вот был человек – профессионал, душа, книжки писал о милиции, причём сам!

Я спустился к его помощнику – молдаван такой, а ну, напомни! Тот, мурло, говорит: «Ну и что, что Макаренко?» Тут заходит Иван Харитонович и спрашивает, кто звонил, а затем ко мне – чего пришёл. Я ему здесь же в приёмной показываю эту папку с делом. Он тоже удивился – а ну, заходи! Просидел я у него с час – он каждую бумажку перелистал и прочёл. Последним в папке был донос на Макаренко из харьковской трудкоммуны имени Дзержинского – он туда из Киева приехал выступить на выпуске коммунаров, а его обвинили в клевете на Сталина, в троцкизме и должны были арестовать. Так вот Головченко берёт красный толстый карандаш и пишет прямо на папке – я помню каждое слово: «Приятно сознавать, что таким Большим Человекам по мысли и действиям, неучи¹ клеили ярлыки «контрреволюционер». Как смешно и бессмысленно выглядит это в наше время. А что скажут потомки?»

«На, Лёша, пусть оно у тебя полежит. А я подумаю, что с ним дальше будем делать». И не поверишь, глаза у него стали мокрыми.

Романтик был!»!

Тут мы с моим собеседником простились. Лекции у него.

Вместо послесловия

А я не мог не пойти в архив МВД на следующий день – именно туда документы попали через годы. Действительно, дело хранилось там! Мне позволили полистать его, выделив пять минут – восемьдесят лет минуло, а оно всё ещё совершенно секретное. В нём осталось пять разделов и 57 листов. Второй по счёту раздел за эти годы исчез бесследно в кадровых круговертях НКВД, потом МГБ, МООП, МВД.

Надпись Головченко цела. Она действительно сделана красным толстым карандашом.

Опубликовано в сб. *Александр Абаринов. Штаны и другие рассказы*. К., 2020. С. 77. Размещено на портале Педагогического музея А.С. Макаренко с разрешения автора.

¹ неучи (укр.)